[19.02.2003] Демократическая Киргизия – страна, которой нет на карте… В. Мешков

Вся современная (постсоветская, суверенная) история Кыргызстана пронизана одним сквозным событием – непрерывной борьбой Власти и Оппозиции. Это буквально апокалиптическое событие завораживает своей многосерийной бесконечностью. «Санта-Бишкек-Бара». Противостояние стало состоянием души немногочисленной киргизской интеллигенции, а с некоторых пор и… смыслом жизни. При этом формы и обстоятельства титанической борьбы достаточно оригинальные, если не сказать уникальные. Типичный киргизский оппозиционер – это помесь Апаса с Дырылдаевым.

Рамазан Дырылдаев – ныне глава Киргизского комитета по правам человека, в совсем недалеком прошлом, начальник управления лагерей МВД страны. Демократ от «Гулага» – в этом есть особый шарм. Ныне Дырылдаев обретается главным образом в Вене, в эмиграции, в изгнании, получил там статус какого-то политического беженца, что не мешает ему периодически возвращаться в Кыргызстан и торжественно мириться с властями. Таких отъездов-возвращений было уже несколько и принципиальная суть подобной «челночной» правозащитной деятельности не поддается пониманию.

Другой «образцовый» киргизский оппозиционер – некий доктор Апас, который год обивает пороги различных госучреждений и политорганизаций России (и не только России) с одной единственной идеей-просьбой – дать ему 5 миллионов долларов для свержения «прогнившего режима». Если его сходу не посылают куда подальше и слушатель проявляет признаки заинтересованности, то благородный Апас начинает понижать ставку, в конце концов, с ним вполне можно сторговаться свергнуть Акаева за 200-300 тысяч долларов, в принципе, наверное, можно торговаться и дальше. Доведя плату до двух-трех сотен долларов. Тем более что результат будет примерно одинаков в любом случае – доктор на некоторое время пропадет.

Потом возвращается без денег и заговорщицки шепчет, что в этот раз не получилось, но люди, танки, банки есть, все схвачено… надо бы еще толику деньжат. И так – до бесконечности.

Киргизия – страна контрастов. Люди хорошие, президент – академик, его супруга – известный благотворитель, правительство – вроде тоже не совсем потерянные люди, есть доктора, кандидаты всяческих наук, опять же имеется в наличии и армия, другие силовые структуры, отважный спецназ «Скорпион», шикарная природа, ландшафты, краше Швейцарских, Терскей-Алатоо, Хан-Тенгри… но как глянешь на все это великолепие приближенным взглядом – мороз по коже. «Манас» отдыхает. Крамольная мысль сверлит ум, все 2.200 лет своей истории кыргызы строили государственность ради этого?… Того, что получили… Строили, строили…, наконец, построили и теперь в этом… собираются жить.

Тотальная и беспросветная нищета киргизской глубинки, киргизских окраин, а начинаются эти окраины буквально в метре от забора президентской резиденции, наглухо хоронят любые светлые мысли и ожидания.

Первый непостижимый феномен Киргизской жизни – это, как при таком беспросветном житье-бытье государство продолжает сохранять хотя бы формальные признаки некоего единого целого. Сама целостность этого раздираемого на регионально-племенные квартиры организма уже загадка.

Второй феномен – великое обилие оппозиционеров в пересчете на душу населения и единицу площади, нигде, ни в одной соседней центральноазиатской стране, оппозиция не представлена столь крупным отрядом и не живет столь полнокровной вольготной жизнью – в открытую поливает «антинародный режим» в прессе, совершает походы и набеги на административные центры, перманентно митингует в поисках правды и т.д. Все 30 (по другим подсчетам – 40, вместе с незарегистрированными и карликовыми наберется 50-60) киргизских партий чувствуют себя достаточно плюралистически и комфортно, можно даже сказать расслабленно. За исключением заключенного Феликса Кулова вся киргизская оппозиция находится на легальном положении и почти не имеет политической эмиграции. (самовынужденный эмигрант

Дырылдаев, не в счет).

Третий феномен Киргизской жизни – оппозиционерство становится весьма выгодной профессией. И даже более того – бизнесом, за счет которого кормятся десятки, и даже сотни родственников, знакомых и просто прихлебателей какого-нибудь «титульного» оппозиционера.

Четвертый феномен, точнее не феномен, а парадокс из трех предыдущих выводов – по большему счету **киргизской оппозиции**, для продолжения столь беспроблемного существования, кровно необходимо максимально длительное пребывание у власти нынешнего «врага трудового народа» и «изменника демократии», то есть Аскара Акаевича Акаева. Именно он обеспечивает их работой – борьбой… и грантами на борьбу. Брать власть в свои руки, при нынешнем уровне саморазвала – самоубийственно, и самые умные из Кыр-оппозиционеров, похоже, это уже поняли.

…Маститые оппозиционеры – как главы племен – вступают друг с другом в союзы, ссорятся, мирятся, образуют союзы племен (партии и движения), перманентно меняют конфигурацию своего политического положения.

Пожалуй, бюджеты всех многочисленных киргизских НПО (неправительственных организаций), партий, движений, союзов и т.д. в своей совокупности сопоставим с госбюджетом страны. Естественно, основной источник подпитки всего этого, условно говоря «гражданского общества» находится извне и, отчасти, заказывает музыку, отчасти, страсти нагнетают сами профессиональные оппозиционеры. Стремясь, тем самым, поднять свою социальную значимость и просто обратить на себя внимание.

Где здесь правда? Оппозиционеры клеймят почем свет власть предержащих. Обвиняют в семейной коррупции и приватизации в нужные руки всего и вся. Власть, в ответ, огрызается – сами такие, тот же Омурбек Текебаев (глава «общественного штаба» по контролю за референдумом) оказывается не совсем законно отремонтировал за счет госбюджета свою депутатскую квартирку в 80 тыс. сомов, причастен к загадочной «пропаже» 22 млн. сомов АО «Байпак», через сомнительную фирму «Эридан» завершил строительство поистине ханского личного дворца, глядя на крышу

которого есть риск уронить шапку с головы и подавиться слюной от зависти; отгрохал в престижном Дубовом парке грандиозное кафе, непонятно с каких доходов владеет тремя малыми ГЭС в Джалал-Абаде и большой «Пельменной» в урочище Чычкан, на подступах к Токтогулу. (смотрим подробнее – Б. Кенешов «Двойная игра»//»Слово Кыргызстана», 7 февраля 2003).

Конечно, среди киргизской оппозиции есть колоритные и крупные фигуры – тот же узник совести Феликс Кулов (лидер партии «Ар-Намыс»). Или его коллега по генеральским погонам Исмаил Исаков – глава, пожалуй, самого колоритного, хотя бы по названию, движения «За отставку Акаева, за демократические реформы».

Но общий разлад, хаос и многоголосица взаимных претензий и обвинений не позволяет различить и идентифицировать стержневую линию или мысль, точнее ответ на вопрос, а что, собственно, собираются делать оппозиционеры в случае прихода к власти? Как управлять? Чего реформировать и в какую сторону?

Походы за правдой киргизской оппозиции – не просто оригинальное ноу-хау в области политтехнологии, это, своего рода, образ жизни некоторой части населения, которое, в общем-то, можно понять. Делать больше абсолютно нечего. Работать за 5-10 долларов в месяц – не имеет смысла, никаких источников к существованию нет. Только и остается – шлепать по дорогам с плакатом в руках и бузотерить на митингах.

И президента Акаева можно понять, как ему, наверное, обрыдло смотреть по родному ТВ-«Кабару» безрадостные и однотипные новости с мест – все эти «дай, дай» из Нарына, Таласа или Баткена. Ему, специалисту по разрешению «многомерных краевых задач теплопроводности», автору «метода усреднения Акаева-Дульнева», мыслителю и гуманисту, слушать в свой адрес бесконечные, – «вор, чижика съел»…

…Акаев не виноват, что ему досталась такая страна. Каким бы прекрасным президентом он был в той же Швейцарии, бургомистром какого-нибудь кантона Nidwalden…

Страна живет своей трудовой жизнью, натужно рвет жилы на рынках «Дордой», пасет еще не съеденный скот, пытается

заработать лишний рубль в «отхожих промыслах». А академик Акаев, тем временем занят, пишет книги – в прошлом критическом году вышли 500-страничные мемуары под нетривиальным названием «Трудная дорога к демократии» и чуть менее объемистый труд по тысячелетней истории киргизской государственности, годом ранее появилась философско-экономическая «Переходная экономика глазами физика» и так далее.

Большинство центральноазиатских правителей чем-то похожи на известного исторического деятеля – первого губернатора американского штата Оклахома Билла Мюррея. Тот как-то на досуге написал «Всемирную историю», при этом очень гордился, что сделал это, ни разу за всю жизнь не покинув пределов родного штата и не открыв ни одной книги… Чему можно верить, судя по редкому симбиозу вопиющей безграмотности и чудовищного апломба, которыми проникнута его «История».

…Все центральноазиатские демократы вышли из шальвар Тимура и малахая Чингисхана (а в еще большей степени, только они этого никак не хотят этого признать, из шинели Сталина).

Запад по отношению к Киргизии – это коллективный Трофим Денисович Лысенко. Был такой известный селекционер, пытался выводить новые породы коров путем кормежки их шоколадками. Шоколад коровы, надо сказать, жрали с удовольствием, но меняться в лучшую сторону путем размножения гениальных телят, категорически отказывались. Только больше и чаще… извиняюсь за моветон, гадили.

Запад – это замерший в удивлении дрозд, принесший в любовно свитое гнездо гусеницу, а там, в гнезде, вместо симпатичных и послушных двух-трех похожих на него родных птенцов, орава когтистых уродцев, три четверти организма которых занимает огромный распахнутый в ожидании рот. Причем весь этот кукушечий кагал, отпихивая друг друга, лезет по спинам, воет, плачет, стрекочет, щиплет и кусает друг дружку, только пух да перья клубом летят.

В итоге, закрадывается крамольная мысль, что Киргизия – это вообще в некотором роде страна-пародия. Живой пример того, как не надо строить государство. Тем более 2.200 лет подряд…

Слишком широк оказался шаг от дико-каменных бурутов, победно сваривших в котле голову последнего казахского хана Кенесары, до «Центральноазиатской Швейцарии» в виде парламентско-президентской республики. От широты шага и рвется тонкая ткань государственности?

Среди центральноазиатских лидеров принято подшучивать над Туркменбаши. Дескать, пока такой рядом правит нам ничего не страшно. На его фоне даже «скачкообразная» киргизская демократия – образец прогресса и либерализма.

Баши, бесспорно, большой оригинал – изобретать календари, считать себя живым пророком и рыть в Кара-Кумах Каракумское море – не каждому по плечу.

…Баши привносит в Центральноазиатскую действительность, достаточно унылую и однообразную, столь необходимый элемент перманентной новизны и динамики… Он как забытый на посту одинокий солдат или Робинзон Крузо – оторван и изолирован в окружающем его мире злобной и завистливой действительности. При этом «демократические» критики его режима не хотят замечать, что никакой принципиальной разницы между его и, скажем, киргизской, моделями государственности нет: у власти те же избранные кланы, замыкающиеся вверху на одну семейно-олигархическую группировку. Разница только в атрибутации режима – Баши перебрал с экзотическими «фишками» по сравнению с Акаевым.

Несомненно, задача **всенародного киргизского референдума** (кстати, уже четвертого за годы независимости) одна – выпустить пар народного гнева путем приподнимания крышки люка.

Помешивая бишкеком (бишкек – палочка для помешивания в казане, – с киргизского) в котле народного гнева Акаев в очередной раз продемонстрировал свою редкую политическую приспособляемость к ситуации. Пожалуй, на всем постсоветском пространстве более виртуозно и в более худших условиях данное получается только у «хитрого лиса» Шеварднадзе.

Несколько перетасовав команду, вернув наиболее преданных

(Болота Джанузакова), отогнав подальше самых одиозных при «подставном» премьере – русском, но киргизоговорящем Танаеве – классическом «козле отпущения», у Акаева всегда есть возможность бросить его первой костью на скормление народному гневу. Этот барашек в рукаве его еще выручит… Расчет точен – любая парламентская реформа, сама по себе, дает передышку власти, т.к. погружает оппозицию в увлекательный творческий процесс дележа новых портфелей и полномочий. Данный референдум, это, прежде всего, выигрыш двух-трех месяцев, столь необходимых Акаеву для стабилизации расшатавшейся вертикали власти.

Акаев тонкий эквилибрист. Беда в том, что канат, по которому он идет, уже источился в тонюсенькую струну. Выдержит ли он до конца натянутого срока (декабря 2005 года), не оборвется ли ранее? – вопрос открытый.

Дело в том, что никому в мире не нужны две или три Киргизии. Вообще, чем больше Киргизий, тем больше проблем у их соседей. Это прямая закономерность. В принципе, нет стран заинтересованных в их полной анархизации, нужен только определенный градус послушности.

«Разбегание государства» – явление всем в Азии хорошо знакомое на примерах Таджикистана и Афганистана. В Афганистане каждый племенной вождь сам себе Карзай, в Таджикистане любой мелкий администратор – сам себе хукум. И со всеми этими хукумствами договориться – сизифов труд, который год Акаев и его сосед Рахмонов уверяют, что контролируют ситуацию, но, похоже, это ситуация контролирует рахмоновых.

В Киргизия своя специфика этого «разбегания». Здесь оно приняло фольклорно-историческую форму. Кыргызы активно, тысячами и миллионами возвращаются на историческую родину, землю отцов… российскую Сибирь. Отъезд приобрел форму социального протеста. Трогательную сцену демонстрировало российское НТВ во время последнего референдума – киргизский консул в Кемерово уговаривает базарных торговцев-этнических киргизов проголосовать. Симпатичный такой консул, высокий, статный, в дорогой дубленке и роскошном национальном малахае, и его несознательные слушатели – обзывающие своего родного

диппредставителя последними русскими и киргизскими словами.

«Жрать нема, работать надо», — слова средних лет киргизки-торговки, как рефрен всей этой незамысловатой полемики.

У Рахмонова девять детишек, у Акаева — четверо, и все кушать просят, всех надо одеть, обуть, обучить в престижных западных вузах, дать им на прокорм карманных денежек, отложить на черный день по заповедному счету. Опять же, тетки, дядьки, приживалки, родное племя грех обидеть.

Киргизия — та же Америка до открытия ее Колумбом. Американцы продавили Аскара Акаева на открытие своей независимой «демократической» типографии, которая теперь, в любой момент, может обеспечить информприкрытие государственному перевороту. Но это, в крайнем случае, для нормальной, обыденной жизни хватит и простого давления — обсуждений в Конгрессе, заявлений Евросоюза, грозных окриков различных правозащитных «Хельсинкских групп».

Следует учесть, что никакого стратегического интереса Кыргызстан не представляет, в плане ресурсов особенно. Единственная его значимая функция — плацдарм. Японский премьер Накасонэ, в свое время, сравнивал родную Японию с непотопляемым авианосцем США. Современное киргизское государство — это большой **американско-миротворческий аэродром «Ганси»**. Никаких иных функций и смысловых нагрузок «центральноазиатская Швейцария» в данный момент не несет и не имеет. Как ни прискорбно, но пора это признать и самим кыргызстанцам. Либо — полигон для экспериментов (со стороны МВФ, ВБ, АБРР, ЦРУ, Ага-хана и т.д.), либо плацдарм, третьего не дано.

Есть ли у России какие-либо особые интересы в Киргизии? Увы (или, слава богу) нет. Нет и не предвидится. При всей шумихе вокруг важности экономической интеграции, никакого реального проку и выгоды от нее не предвидится. Свой долг России Киргизия никогда не выплатит и будет его реструктуризировать по примеру Эфиопии, до тех пока не надоест про него (долг) спрашивать. Пытаться взять этот долг акциями местных предприятий — также бессмысленно, после отъезда русских и

русскоязычных специалистов большинство местных заводов (и без того немногочисленных) давно превратились в склад металлолома. Символ киргизской постсоветской экономики – Бишкекский телегоремонтный (экс-авторемонтный) завод. Кому в 21-м веке нужны акции телегоремонтного завода?

Дабы опровергнуть вышеуказанный пессимизм обычно приводят два факта – первый, совсем недавно создана Ассоциация российских предприятий в Кыргызстане, второй – известный предприниматель Виктор Столповских недавно приобрел контрольный пакет акций Майли-Сайского электролампового завода. Отвечаем по порядку. В Киргизии существует несколько сотен Ассоциаций по развитию всего чего угодно, в том числе и несколько межправительственных комиссий, ассоциаций и групп по углублению экономического сотрудничества с Россией и т.п., толку от этого – слеза котенка; второй факт – широко известный в определенных кругах (Б.Паколли, К. дель Понте, Д.Дево) Виктор Столповских, действительно, купил ламповый завод в Киргизии, но считать его (Столповских) российским бизнесменом некорректно, скорее он представитель международных организованно-предпринимательских сообществ или групп (ОПГ), которые и без него весьма вольготно чувствуют себя в Киргизии, занимаясь не менее серьезным бизнесом – контрабандой бензина, наркотрафиком, экспортом проституток и т.д.

Нельзя сказать, что киргизские власти не пытаются как-то преодолеть тупиковость развития страны. Но делают они это весьма своеобразно, путем принятия красивых и многообещающих заумных программ, не имеющих ни малейшей привязки к конкретике и реалиям всамделишной жизни.

Национальная стратегия устойчивого человеческого развития (1997), национальная программа преодоления бедности «Аракет» (1998), программа «Комплексная основа развития» (Акаев в своих мемуарах называет ее любовно «матрица развития Вулфенсона») (2000) – все это этапы интеллектуальных исканий правительственных аналитиков.

Есть даже собственная внешнеполитическая доктрина. Называется она «Дипломатия Великого Шелкового Пути» (суть ее емко выражается одной фразой – «и вашим, и нашим»).

И все эти программы и «доктрины» приняты, освоены, с помпой отпиарены, растиражированы в СМИ и успешно… претворяются в жизнь посредством проедания кредитов, под них полученных. Причем, проедает кредиты, от лица всего народа, достаточно узкая кучка людей – сливки местной бюрократии.

Сам А.Акаев привнес в мировую политологическую науку (хотя, по основной специальности он физик-теоретик) «теорию» скачкообразного развития демократии в посттоталитарных обществах. В чем суть открытых им «скачков» разъяснено плохо, да это и не требуется – скачки, они и есть скачки.

Рахмонов, если когда-нибудь ознакомится с научными открытиями Акаева, может быть одарит мир теорией «демократических толчков», а Туркменбаши – «тычков». Получится целостная картина…

Известный французский политолог Раймон Арон в своем классическом труде «Демократия или тоталитаризм» пишет о «внешне многопартийных режимах», когда на деле «у многочисленных партий нередко оказывается общее руководство», бывает это в «слаборазвитых странах, где партии выражают интересы мало отличающихся друг от друга групп и, в конечном счете, становятся игрушками в руках нескольких людей -вождей племен, латифундистов, правителей». (Цитата по русскому изданию – Москва, «Текст», 1993, с. 78). Киргизия классически подходит под ароново определение.

…Акаев немножко не от мира сего. Элиас Канетти писал, что коренной порок всех интеллигентов в том, что мир для них состоит из интеллигентов. Благо или беда двухтысячелетнего кыргызского народа, что в столь трудный, переломный момент истории, во главе его встал академик Акаев – покажет все-таки время. Одно жаль, времени этого, судя по всему, осталось не так много…

Владимир Мешков, «Номад», 19 февраля 2003